Горчит трава полынь…

Четверть века назад произошла самая крупная в истории ядерной энергетики авария: взорвался 4-й блок чернобыльской АЭС. Для сотен тысяч людей начался новый отсчёт времени...

Блок взорвался 26 апреля 1986 года. Радиоактивное облако прошло над Украиной, Белоруссией, Западной частью России. Уже вечером 26 апреля практически весь мир знал о произошедшей катастрофе, кроме населения Советского Союза: власти страны скрывали от своего народа правду, больше всего боясь паники. Радиоактивному загрязнению тогда подверглось более 200 000 км^2 земли. Более 200 тысяч граждан было эвакуировано из зоны поражения, а число людей, пострадавших от ядовитых осадков, никогда официально не указывалось.

Прошли годы. На заражённых территориях вопреки всему продолжается некое подобие жизни. Сегодня только 11 сёл из 130 входят в территорию отчуждения, в остальных живут вернувшиеся жители. И это несмотря на то, что во многих местах фон превышает норму в десятки раз. Ведут огород, торгуют сельхозпродуктами, зачастую ездят в Киев продавать продукцию. Люди болеют, но уезжать всё равно не хотят. Это их жизненная философия. Кто-то сражается за своё здоровье, кто-то водит экскурсии в зону отчуждения. Кажется, попасть туда без пропуска невозможно, но это на первый взгляд. Есть масса способов проникновения в неё. Один из них — при помощи туристических фирм. Бизнес на трагедии процветает.

В ликвидации аварии участвовали более 600 тысяч человек. Четверть века спустя их осталась только одна треть. И они хотят, чтобы все узнали упорно замалчиваемую правду об этой катастрофе. Газета ветеранов-чернобыльцев «Заслон» посвятила один из номеров событиям 25-летней давности. И сегодня мы предлагаем вниманию читателей несколько опубликованных в ней статей.

Я был направлен в город Чернобыль спустя два месяца после 26 апреля 1986 года из состава постоянно действовавшей в Москве Оперативной группы Гражданской обороны СССР, в которую был включён как участник испытаний ядерного оружия в 1957-1968 годах, знакомый с радиацией. Эта группа с самого начала аварии работала в режиме круглосуточных дежурств и докладывала верховному командованию и руководству страны об обстановке в зоне катастрофы. В конце июня 1986 года я был откомандирован в состав другой Оперативной группы, работающей s самом Чернобыле, где мне было поручено исполнять обязанности начальника медицинской службы частей и подразделений войск Гражданской обороны, дислоцированных в 30-километровой зоне отчуждения для выполнения аварийно-спасательных работ. Это были, по существу, военно-полевые лагеря, палаточные городки, посты оцепления, парки техники, оборудования и специальные контрольно-пропускные пункты.

Помню, как всех нас, впервые въезжавших в 30-кило метровую зону отчуждения, поразили первые внешние признаки катастрофы. Рыжий лес на въезде в город Припять, где находилась сама разрушенная АЭС, намертво «убитый» аварийным взрывом с выбросами короткоживущих и потому смертельно опасных для всего живого радионуклидов. Мёртвый и пустой город Припять считавшийся до аварии одним из самых привлекательных и образцовых городов советского мирного атома и примером для всего мира. На всём пути до Чернобыля и в самом городе тоже нас встречало полное запустение и зловещее молчание среди внешне, казалось бы, торжества цветущей природы. Уже тогда размеры только отчуждённых полей измерялись тысячами гектаров. Везде ни одной птицы, ни соловьиных трелей, ни пения других птиц, чем прежде славились эти прекрасные, волшебные края. Лишь на свалках и только

в самое первое время изредка встречались вороны, но и они были вялы и не каркали. Исчезло даже всегда привычное жужжание насекомых, исчезли бабочки... И в поле зрения — ни одного местного жителя, ни одного животного, домашнего или дикого, кроме, видимо, особо «радиоустойчивых», разжиревших кур и грызунов. Для них настал настоящий рай — раздолье еды. Радиация обманула их: предоставила им несметное обилие корма, но ещё не погубила их. Всё это при невиданно обильном фруктово-ягодном урожае во всех садах, огородах, полях, лесах и перелесках, диких рощах. Отяжелевшие ветви или бессильно свисали к земле, или касались её, или лежали на ней, унизанные спелыми, яркими, роскошными, нетронутыми плодами.

И как контрастировало с этим буйством цветущей природы множество дислоцированных в 30-километровой зоне палаточных военных лагерей с сотнями и тысячами "партизан» — отмобилизованных военнослужащих, колючая проволока, посты оцепления, пункты специальной обработки на дорогах, парки спецтехники подразделений инженерных, химических войск и т.д.

Объединяя всё сказанное, можно сказать: обстановка в 30-километровой зоне была одновременно и явным, и скрытым намёком на грозную опасность совершившегося. Явным — из-за непривычных странностей в окружающей среде. Скрытым — из-за изменений в психо-эмоциональном состоянии оказавшихся в зоне людей. Обстановка действовала на людей не только и не столько на физическом уровне («загадочная и коварная радиация»), сколько на их психику. Так, были описаны случаи эйфории и сдвиги в поведении некоторых людей, особенно новичков и персонала ЧАЭС.

Хотя сама целевая установка — ликвидация последствий аварии на ЧАЭС, поставленная тогда перед корпусом ликвидаторов, была понятна, очевидна и непреложна, на всех угнетающе действовало оцепенение и зловещее молчание природы, впервые столкнувшейся с неведомой ей угрозой. Ошарашенная радиацией, не зная, как реагировать на неё, природа откликнулась парадоксами — неестественно «гротесково-цветущим буйством» растительности и полным отсутствием коренных жителей и привычных живых существ.

Поскольку многое встречалось впервые, всё казалось большинству людей странным, противоречивым, малопонятным и необъяснимым. Неслучайно, по-видимому, лично мне, например, пришлось столкнуться в зоне со случаями самоубийств среди призванных «партизан». Такие случаи плохо поддавались объяснению со стороны и военной прокуратуры, и командования, и медиков, и товарищей из среды окружающего личного состава. Но побуждали каждого ликвидатора к тому, чтобы лучше выполнять поставленные задачи на своём участке работ.

Впечатлений от командировок в период нашей службы в 30-километровой зоне Чернобыльской аварии, было столько, что их не вместил бы никакой газетный формат. Это были встречи с самой жизнью. С редкими нелегалами-самосёлами, любой ценой, ночами пробиравшимися через леса, минуя посты оцепления. «Пусть умирать, но на родной земле и в родном доме». С призванными: рядовыми, сержантами и офицерами запаса и специалистами, отмобилизованными через райвоенкоматы по всей стране для работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. С учёными-патриотами, из которых наиболее ярким был и остаётся академик Валерий Алексеевич Легасов. Один из главных и первых героев Чернобыля, после возвращения в Москву 30 апреля 1986 года он говорил: «Хуже, чем в июне 1941 года! 75 Хиросим и Нагасак!». Сделав всё, чтобы вскрыть истину и спасти тех, кого ещё можно было спасти, он как-то тихо и незаметно для общества ушёл из жизни... (В 1986-1987 годах его дважды выдвигали на звание Героя Социалистического Груда, но оба раза он не был награждён. 27 апреля 1988 года, во вторую годовщину аварии на ЧАЭС, Легасов был найден у себя в кабинете повешенным. Перед смертью он записал на диктофон рассказ о малоизвестных фактах, касающихся катастрофы. По некоторым данным, часть послания была кем-то умышленно стёрта. Лишь в 1996 году Президент России Борис Ельцин подписал указ о посмертном награждении Легасова званием Героя

России за «отвагу и героизм, проявленные во время ликвидации Чернобыльской аварии». — Ред.) Мне посчастливилось познакомиться с ним в самом Чернобыле в начале лета 1986 года. Больше никогда нам не приходилось встречать личности подобного масштаба и гражданской совести.

И поразительно: наши раскрученные СМИ ни слова не проронят об академике В.А. Легасове, как будтоделают всё, чтобы «замотать память о нём»... Сегодня, как и всегда, нашим «свободным» СМИ не до того, чтобы вспомнить о тысячах безвременно погибших чернобыльцев-ликвидаторов, которые ценой своей жизни, часто даже не осознавая этого, сделали невозможное. Вертолётчики, рабочие-проходчики, строители саркофага, молодые неподготовленные призывники — «партизаны», — были брошены на строительство саркофага, на разборку и транспортировку огромного количества радиоактивных отходов. И на фоне этой величайшей трагедии — дурь одного из тогдашних генералов, приказавшего водрузить знамя на крышу блока. Чтобы было «как над Рейхстагом!»

И никто ни из тогдашних, ни из теперешних журналистов не удосужились посчитать, сколько прекрасных жизней лучших из лучших, цвет нашего совестливого и самоотверженного народа положены были почти «за зря». А задумался ли кто-нибудь о потерянном навсегда поколении их детей и внуков, так и не родившихся у безвременно погибших? А о тысячах родившихся, несмотря ни на что, детей с врождёнными уродствами, острыми детскими лейкозами, хроническими заболеваниями, болезнью Дауна? До людях, вынужденных покинуть землю своих предков, которую их деды, отцы и матери защитили от врага и превратили в цветущий рай, обратившийся после катастрофы в преисподнюю? Ведь это тысячи полных жизни и счастья людей, которые были сорваны с обжитых мест и экстренно эвакуированы из «зоны отчуждения». И вот итог: масса безвременно умерших не столько от радиации, сколько от отчаяния и тоски по своей родной земле и родным домам.

За 37 лет моей действительной военной службы в ВС СССР было много всякого и разного, начиная с непосредственного участия в испытаниях ядерного оружия (1957-1968 годы). Но самым памятным, хотя и самым коротким отрезком жизни, были те полтора месяца, которые я провёл в Чернобыле летом 1986 года. Я был свидетелем необратимых последствий не только для населения, биоты и природы Европейской территории СССР, но и всего мира. Извлечь адекватные уроки и сделать системные выводы из этой катастрофы на будущее удаётся лишь сегодня, да и то частично, хотя после этой катастрофы прошло уже 25 лет.

Вадим МОРОЗОВ, полковник медицинской службы

Источник: Природа и Свет.-2011.-№6.-С.8-10.